

Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений)

© 2020

Александр Борисович Летучий^{a, б, @}Анна Валерьевна Виклова^a

^aНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; ^бИнститут русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия; alexander.letuchiy@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос о подъеме аргумента (англ. argument raising) в русском языке. Хотя русский язык не относится к типичным «языкам с подъемом», как, например, английский, есть явления, по ряду признаков напоминающие подъем. Это конструкции, где некоторый элемент, на поверхности принадлежащий к главному предложению, получает разумную интерпретацию (например, в терминах сферы действия или семантической роли) лишь в том случае, если мы считаем, что порождается он в придаточном предложении. Наш анализ во многом использует методы и данные предыдущих работ, посвященных той или иной конкретной конструкции. Однако отличие нашей работы заключается в первую очередь в том, что для нас центральным критерием подъема будет критерий поведения местоимений: сферы действия неопределенных и отрицательных местоимений в главной клаузе и возможности прономинализации подчиненной клаузы с помощью местоимения *это*.

Ключевые слова: местоимения, отрицание, подъем, прономинализация, русский язык, синтаксис, сложное предложение, сфера действия.

Благодарности: Статья подготовлена в ходе проведения исследований Научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Автор благодарит за ценные замечания двух анонимных рецензентов.

Для цитирования: Летучий А. Б., Виклова А. В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений). *Вопросы языкознания*, 2020, 2: 31–60.

DOI: 10.31857/S0373658X0008776-2

Raising and similar phenomena in Russian (mainly based on the behavior of pronouns)

Alexander B. Letuchiy^{a, б, @}Anna V. Viklova^a

^aNational Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

^бVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; alexander.letuchiy@gmail.com

Abstract: The paper discusses the possibility of argument raising in Russian. Although Russian is not a canonical raising language, as English, some phenomena are reminiscent of raising. These are constructions where an element of the main clause can only acquire a plausible interpretation if we suppose that

it is generated in the subordinate clause. In the analysis, I use data of previous works focusing on one particular construction. However, in my study I focus on the behavior of pronouns: scope of negative and indefinite pronouns and possibility of replacement of the subordinate clause with the pronoun *èto*.

Keywords: complex sentence, negation, pronominalization, pronouns, raising, Russian, scope, syntax.

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2018–2019 (grant No. 18-01-0032) and by the Russian Academic Excellence Project “5-100”. The authors are grateful for the two anonymous reviewers for their questions and remarks.

For citation: Letuchiy A. B., Viklova A. V. Raising and similar phenomena in Russian (mainly based on the behavior of pronouns). *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 2: 31–60.

DOI: 10.31857/S0373658X0008776-2

1. Вводные замечания

1.1. Определение подъема

Подъемом аргумента (**raising**) называется продвижение семантического актанта подчиненной предикации в главную, где он становится синтаксическим актантом. Подъем распознается по тому, что один из синтаксических аргументов главного предиката получает семантическую роль от подчиненного предиката, а в главной клаузе ему приписывается падеж и синтаксическая позиция. Получив семантическую роль в зависимой клаузе, он затем поднимается в главную, чтобы получить синтаксическую позицию и падежное маркирование¹.

В английском языке подъем хорошо заметен, так как сопровождается дополнительными синтаксическими изменениями — при подъеме также меняется форма глагола: из финитной формы в базовой структуре она превращается в инфинитив:

(1) *I expected that John would be late.*

(2) *I expected John to be late.*

Глагол *expect* без подъема управляет финитной клаузой с союзом *that*, а в конструкции подъема — инфинитивом. Кроме того, *expect* имеет только одну валентность на вещественного (в данном случае — личного) участника — субъектную. Объектная валентность заполняется пропозицией, составляющей содержание ожидания.

Следовательно, *John* в примере (2) является аргументом *expect* только синтаксически. Нетрудно показать, что при этом в примерах типа (2) *John* имеет свойства аргумента главной клаузы. Например, он может, как и ингерентный для клаузы прямой объект, подвергаться продвижению в позицию подлежащего при пассиве (3) или отделяться от зависимой клаузы материалом главной (4):

(3) *Mary is believed to be smart.*

(4) *The chairman expected his earnings foolishly to show increases.*

¹ Мы говорим только о стандартном подъеме, не обсуждая явления *сору raising* (см., например, [Frantz 1978]), при котором на месте поднятого аргумента в подчиненной клаузе остается анафорическое местоимение и/или согласованная по лицу / числу форма глагола. При *сору raising* подчиненная клауза может сохранять свою финитность. Не обсуждается и явление *hyper-raising*, во многом близкое к *сору-raising*, при котором местоименная копия в подчиненной клаузе может отсутствовать, но конструкция остается финитной.

В (3) *Mary* продвигается в позицию субъекта при пассиве. В (4) поднятый аргумент *his earnings* отделен от подчиненной клаузы наречием из главной клаузы *foolishly*.

В то же время поднятый аргумент в некоторых отношениях отличается от ингерентных аргументов главного предиката. Например, как показано в (5), из предложной группы в составе поднятого аргумента нельзя вынести именное зависимое при вопросе (как *Which artist* в (5b)); из предложной группы в составе ингерентного аргумента главного глагола такой вынос возможен.

(5) а. *Which artist_i do you admire [paintings by_i]?**

б. *Which artist_i do you expect [paintings by_i] to sell the best?*

Различают подъем в объектную позицию, ср. (4), и в субъектную. Субъектный подъем охватывает более узкий класс глаголов, чем объектный.

Тем самым, хотя ключевым признаком подъема является присвоение синтаксическому аргументу верхней клаузы семантической роли в нижней клаузе (и, как следствие, отсутствие роли для него в верхней клаузе), для английского признаки подъема составляют целый пучок и позволяют легко идентифицировать конструкции с подъемом: 1) наличие двух клауз²; 2) отсутствие у одного из аргументов главного предиката семантической роли при вершине и 3) изменение формы подчиненного глагола по сравнению с базовой конструкцией без подъема.

Если английский — это в некотором роде эталон языка с подъемом, то существуют исследования, посвященные кавказским [Polinsky 2013] и другим языкам, где подъем требует дополнительного подтверждения. Конструкции подъема в этих языках не характеризуются пучком диагностических свойств. В них есть явления, близкие к подъему лишь частично: например, некоторая единица из главной клаузы получает естественную интерпретацию только в том случае, если мы будем считать, что исходно она принадлежала к зависимой. Однако если она и претерпела подъем, никакой смены стратегии или создания новой позиции прямого объекта при этом не произошло, то есть нам предстоит проверять наши ощущения дополнительными тестами.

Русский язык стандартно не считается языком с подъемом аргумента [Williams 1987; Lasnik 1998]. В нем нет конструкций, где друг другу бы соответствовали три упомянутых выше признака. Например, в работе [Stepanov 2007b] единственным надежным случаем подъема считается класс фазовых глаголов (при этом мы покажем, что именно этот случай можно интерпретировать по-другому). Однако есть основания считать, что некоторые другие предикаты в русском языке все же допускают подъем. Так, С. Минор [Minor 2013] обсуждает возможность подъема в конструкциях с каузативными глаголами объектного контроля типа *предложить* и *попросить*. М. А. Холодилова [Xolodilova 2015] говорит о нестандартном прочтении отрицательных местоимений в конструкциях с глаголами субъектного контроля типа *мочь* и *стараться*.

В следующей части мы поговорим о том, какие критерии могут помочь определить это явление в языке типа русского. Мы продемонстрируем, что в русском языке нет стандартного подъема, однако немало конструкций, близких к нему в том или ином отношении. Каждую из них мы проанализируем отдельно и покажем, что, по критериям, связанным с местоимениями, все они близки к подъему в разной мере. При этом подъем охватывает не широкие классы глаголов с одинаковой валентностью, а более узкие их подклассы. Во многом сходно ситуация обстоит и в английском: как показано в работах [Culicover, Jackendoff 2005; Polinsky 2013], наряду с глаголами подъема существуют вполне близкие по семантике глаголы (например, мысли и речи), в которых подъем усматривать нельзя.

² Отметим, впрочем, что само по себе количество клауз требует анализа и специальных тестов.

В частности, дискуссионным является вопрос о том, в какой мере инфинитивная конструкция имеет свойства полноценной клаузы. Здесь мы не рассматриваем тесты на клаузальность.

1.2. Какие альтернативы есть у подъема?

Прежде чем рассматривать русские конструкции, напомним на привычном английском материале, какие явления важно отличать от подъема с помощью специальных тестов. В первую очередь это, конечно, **контроль PRO** в зависимой клаузе: в (6) мы видим, что *make* ‘заставлять’ — предикат контроля. У этого глагола есть, наряду с агенсом, второй предметный аргумент с ролью пациенса / каузируемого. Он не поднимается из подчиненной клаузы, а получает семантическую роль в главной.

(6) *He_i made us_j [PRO_j come].*

Кроме контроля, подъему противопоставлено исключительное падежное маркирование (**exceptional case marking, ECM**, см. [Rosenbaum 1965; Lasnik, Saito 1991; Lasnik 1998]³). Для английского это означает, что аргумент порождается в низшей клаузе и остается в ней (**in situ**, см. для русского раздел 2.2, а также [Lyutikova, Tatevosov 2018]). Внешне он выглядит как прямое дополнение главной клаузы, но связано это с тем, что никакого другого маркирования он получить не может — при инфинитиве невозможно каноническое подлежащее. Так устроены, например, предложения с глаголом *expect* типа (7). Как и конструкции с подъемом, конструкции с исключительным падежным маркированием не изменяют свой смысл при пассивизации главного предложения (8).

(7) *Bill expected John to leave.*

(8) a. *He believed / preferred this man to have killed Bill.*

b. *He believed / preferred Bill to have been killed by this man.*

Однако, поскольку дополнение является на самом деле актантом зависимой клаузы, между ним и элементами зависимой клаузы не могут вставать слова из главной клаузы:

(9) a. *John prefers very much [for Bill to be our boss].*

b. **John prefers Bill very much [to be our boss].*

Prefer — это глагол с исключительным падежным маркированием, а не с подъемом, а значит, в примерах (9) имя *Bill* — это элемент зависимой клаузы. Поэтому интенсификатор *very much*, относящийся к главной клаузе и выражающий силу предпочтения, может стоять только перед всем материалом зависимой клаузы, как в (9a), но не отрывать *Bill* от других элементов зависимой клаузы, как в (9b).

1.3. В каком смысле в русском возможен подъем?

Итак, как было сказано выше, русский язык не является типичным языком с подъемом. Во всяком случае, пучка признаков типа английского в русском языке не обнаруживается. У многих предикатов, присоединяющих финитные клаузы со *что*, вообще нет альтернативы с инфинитивом. Если же финитные клаузы чередуются с инфинитивными (это бывает и с конструкциями со *что*, и еще чаще со *чтобы*), то это инфинитив контроля PRO:

(10) a. *Я думаю, что Сережа опоздает.*

b. **Я думаю Сережу опоздать.*

³ Отметим, впрочем, что эти два случая, противопоставленные каноническим конструкциям контроля, между собой не всегда разграничиваются четко: некоторые английские конструкции по одним критериям скорее похожи на подъем, а по другим — на ECM.

- (11) а. *Петя надеялся, что мама будет довольна.*
 б. **Петя надеялся маму быть довольной.*
- (12) *Я_i надеюсь, что сегодня зайду / [PRO_i сегодня зайти].*
- (13) *Начальник_i попросил меня_j, чтобы я сегодня зашел / [PRO_j сегодня зайти].*

И в (12), и в (13) PRO при инфинитиве контролируется участником из главной клаузы (субъектом *я* в (12), объектом *меня* в (13)). Эти участники имеют семантические роли в главной клаузе (экспериментера / субъекта сознания в (12), адресата в (13)), а не получают их в подчиненной. В каком же смысле в русском языке возможен подъем?

Исходным критерием мы, безусловно, считаем условие, без которого нет подъема вообще:

1. Главный предикат не присваивает единице семантической роли.

Однако, как мы покажем ниже, этот семантический критерий без дополнительных формальных довольно размыт — не всегда ясно, какой именно предикат присваивает семантическую роль.

Примеры, использованные в работе, в большинстве случаев либо взяты из [НКРЯ] или из поиска в системе Google, либо сгенерированы автором и проверены на нескольких носителях. В некоторых случаях критерием также служит интроспекция.

1.4. Проблемы ролевого критерия

Отметим, что критерий семантической роли представляет проблемы в качестве строгого теста на разграничение подъема и контроля. Основной вопрос (не решенный в предшествующих работах) заключается в том, какова модальность утверждений о семантической роли актанта главного глагола:

- (i) если у главного глагола имеется семантическая роль, которую может получить актант X, верно, что он ее и получил в главном предложении (и, следовательно, перед нами контроль).

или

- (ii) если у главного глагола имеется семантическая роль, которую может получить актант X, это не обязательно значит, что он ее и получил в главном предложении (и, следовательно, перед нами может быть и подъем).

Имплицитно обычно используется вариант (i): признав некоторый глагол глаголом контроля (по крайней мере, в некотором употреблении), мы заканчиваем его анализ: если некоторая позиция занята ингерентным, а не поднятым аргументом предиката, то о подъеме речи идти не может. Однако Минор [Minor 2013], например, следует логике (ii). Несмотря на то, что при глаголах вербальной каузации есть позиция для адресата / каузируемого (*я велел ему явиться в шесть*), это не означает, что данная позиция всегда заполнена актантом, получающим роль в главной клаузе — теоретически возможна точка зрения, согласно которой в предложениях типа *я велел никому не приходить* местоимение *никому* поднято из подчиненной клаузы, где и получает роль агенса, а каузируемым / адресатом главного предложения является невыраженный актант.

Ниже мы покажем, что такая ситуация характерна для русских конструкций подъема (или их аналогов) вообще. Конструкции подъема в русском «паразитируют» на существующих позициях для ингерентных аргументов.

1.5. Критерии подъема, связанные с местоимениями

Сформулируем в общем виде критерии, которые мы используем для тестирования подъема.

Критерий (а) основан на сфере действия и с-командований. Некоторые единицы могут употребляться только в том случае, если их лицензирует другая с-командующая единица. Представим себе, что (в допустимом русском предложении) единица такого типа *У* формально относится к главному предложению, а лицензирующий ее оператор — к зависимому. Это означает, что адекватная интерпретация возможна только при том условии, что *У* была лицензирована в придаточном предложении, а затем поднялась в главное. Следовательно, конструкцию можно рассматривать как конструкцию подъема.

Критерий (б) основан на возможности / невозможности замены придаточного на проформу. Если придаточное предложение не заменяется на местоимение (проформу) (особенно при соблюдении пункта (а)), это подтверждает «подъемную» трактовку. Неспособность к прономинализации может означать, что некоторый элемент главного предложения был поднят из придаточного. Если же заменить придаточное на проформу, исчезнет область, из которой этот элемент был поднят, — при отсутствии исходной точки подъема (зависимой клаузы) невозможен и сам подъем.

Данные признаки не меняют общего понятия подъема: имеется в виду ситуация, когда поверхностно единица принадлежит к главному предложению, но для объяснения части ее свойств требуется допущение, что исходно она принадлежала к придаточному, а затем была поднята в главное. Признаки (а) и (б) — это просто способы проверки того, есть ли подъем в рассматриваемой конструкции.

Если конкретизировать (а) и (б) применительно к русскому материалу, мы получим конкретные признаки 2–4.

2. Единица интерпретируется как элемент конструкции negative concord, вторую часть которого составляет предикатное отрицание в придаточном предложении или в другой позиции, структурно более низкой, чем отрицательное местоимение.
3. В главном предложении, обозначающем реальную ситуацию и не содержащем модальных маркеров, употребляется неопределенное местоимение ряда *-нибудь*, получающее допустимую сферу действия только в придаточном.
4. Структура не употребляется в конструкциях, где зависимая ситуация выражена иначе, чем клаузой (местоимениями *это* или *так* или не выражена вообще), поскольку в этом случае поднимать ее неоткуда.

Теперь рассмотрим данные критерии подробнее.

2. Единица интерпретируется как элемент конструкции negative concord, вторую часть которого составляет предикатное отрицание в придаточном предложении или в другой позиции, структурно более низкой, чем отрицательное местоимение.

Во многих исследованиях (см., например, [Giannakidou 2000; 2002; Pereltsvaig 2004; Zeijlstra 2004]) показано, что русский язык — язык с так называемым отрицательным согласованием (negative concord). Это означает, что единицы, определяемые как отрицательные местоимения (*ни*-местоимения типа *никто*, *никогда*), не употребляются без вышестоящего (как правило, предикатного) отрицания. Предложения типа **Никто пришел* запрещены, а вот структуры вида *Никто не пришел* грамматичны благодаря предикатному отрицанию *не*.

Проблему составляют конструкции типа *Никто ему оказался не нужен*. В них отрицательное местоимение является подлежащим главной клаузы. Отрицание же относится не к главному глаголу, а к подчиненному прилагательному. Тем самым, на первый взгляд, кажется, что отрицательное местоимение лицензируется находящимся ниже по структуре

отрицанием. Это наводит на мысль о том, что отрицательное местоимение изначально находилось в структуре с прилагательным (*Оказалось, что никто ему не нужен*), а затем претерпело подъем.

3. В главном предложении, обозначающем реальную ситуацию и не содержащем модальных маркеров, употребляется неопределенное местоимение ряда *-нибудь*, получающее допустимую сферу действия только в придаточном.

Местоимения ряда *-нибудь* почти не употребляются в конструкциях с реальной семантикой типа *“На кухне кто-нибудь сидит* (если мы имеем в виду, что некоторый человек сидит на кухне, правильно будет сказать *На кухне кто-то сидит*)⁴. Иначе говоря, референтный участник реальной ситуации обычно не обозначается местоимениями ряда *-нибудь*. Стандартный контекст употребления *нибудь*-местоимений — это предложения типа (14).

(14) *Кто-нибудь наверняка сегодня придет.*

В (14) ситуация еще не имела места, и говорящий не знает точно, кто именно придет и сколько будет таких людей. Местоимение *кто-нибудь* употребляется нереферентно, в значении ‘будет существовать X, который придет’.

Структуры типа *Кому-нибудь лучше встретить Петю* явно отличаются от стандартных. Если принять точку зрения, что в конструкциях с предикативами две клаузы — главная, включающая предикатив *лучше*, и зависимая инфинитивная (*встретить Петю*), то в главной клаузе оценка *лучше* касается реальной и актуальной ситуации. Зависимая клауза модализована: ситуация ‘встретить Петю’ не имела места и, возможно, не возникнет. Тем самым, кажется, что семантически более прозрачен вариант предложения типа *Лучше, если кто-нибудь встретит Петю*. Верно ли, что *кто-нибудь* в первом варианте претерпевает подъем в главную клаузу?

4. Структура не употребляется в конструкциях, где зависимая ситуация выражена иначе, чем клаузой (местоимениями *это* или *так* или не выражена вообще), поскольку в этом случае поднимать ее неоткуда. Иначе говоря, невозможна замена зависимой ситуации на местоименные проформы. В качестве теста используются только конструкции с местоимением *это*, заменяющим клаузальную составляющую (например, *Петя не пришел, но этого никто не заметил*)⁵. Мы сознательно исключили из рассмотрения примеры, где *это* относится к ИГ.

Критерий линейного расположения, часто используемый для английского языка (если некоторый элемент может быть отделен от подчиненной клаузы элементом главной клаузы, то и сам он является элементом главной клаузы), вряд ли надежен для русского: в силу свободы порядка слов русский допускает непроективные структуры, где элементы главной и вложенной клауз «перемешаны». Едва ли линейное положение среди элементов главной клаузы может однозначно подтверждать синтаксическую принадлежность элемента к ней для русского языка в целом. Это, безусловно, не отменяет того факта, что для определенных пар конструкций положение адьюнктов все-таки ограничено и может показывать принадлежность элемента к главной vs. зависимой клаузе.

⁴ Здесь мы не учитываем случаи, когда предложение типа *Уже девять, кто-нибудь уже пришел на работу* получают эвиденциальную, инферентивную интерпретацию ‘Из того, что уже девять, можно сделать вывод, что кто-нибудь уже пришел на работу’. Поскольку приход сотрудников в данном случае становится содержанием вывода, реальность ситуации снижается.

⁵ Отметим, что приемлемость замены на *это* регулируется и многими другими факторами, кроме противопоставления структур подъема и контроля (см. подробнее [Летучий 2019]). Здесь, однако, мы не учитываем их из соображений места.

1.6. Традиционные критерии подъема

Заметим, что мы не используем в качестве основных распространенные критерии, применяемые к подъему в английском языке, — критерии идиомы и пассива. Критерий идиомы мы упоминаем в разделе 2.6 — однако, как нам кажется, для русского языка он не дает существенных результатов. Более значим критерий пассива; поскольку в центре нашего рассмотрения находится именно поведение местоимений как критерий подъема, мы не включаем данный критерий в основную часть работы, однако обсуждаем его в разделе 3. Сформулируем кратко данные критерии:

А) пассивизация. При подъеме предложения с активной конструкцией в зависимой клаузе и с образованной от нее пассивной синонимичны:

(15) *Paul is expected to eat this sandwich / This sandwich is expected to be eaten by Paul.*

Это связано с тем, что ни слово *Paul*, ни группа *this sandwich* не получают семантической роли в главной клаузе. Тем самым конструкции в (15) означают то же, что *It is expected that Paul will eat this sandwich / It is expected that this sandwich will be eaten by Paul*. Эти предложения различаются только залогом подчиненной клаузы, а залоговое преобразование, как считается, не вносит изменений в семантику ситуации. Следовательно, все предложение в целом тоже не меняет значения.

Б) идиомы. В конструкциях с подъемом типа (16a) допускаются идиомы, одним из компонентов которых является поднятый элемент, а другие относятся к подчиненной клаузе. Поскольку изначально все эти элементы относились к подчиненной клаузе, разрыва идиомы не происходит. Напротив, в конструкции контроля (16b) один из элементов изначально относится к главной клаузе, а другие — к подчиненной. Идиома разрывается и может иметь только буквальное, неидиоматическое значение.

(16) а. *I expect the cat to be out of the bag.*

б. **I persuaded the cat to be out of the bag.*

Мы не претендуем на полный анализ возможности подъема в русском языке. Во многом наша работа ограничена вопросом о том, указывает ли поведение местоимений на **подъем** или на **контроль**. Однако и такая постановка вопроса полезна как часть общего вопроса о подъеме в русском языке.

2. Анализ ряда русских конструкций в терминах подъема

В этом разделе мы проанализируем по критериям семантической роли и прономинализации несколько русских конструкций. В начале разделов 2.1–2.6 мы перечисляем результаты применения всех интересующих нас тестов:

- Присваивается ли семантическая роль главным предикатом?
- Возможна ли нестандартная сфера действия отрицательных единиц?
- Возможна ли нестандартная интерпретация неопределенных единиц?
- Возможна ли замена сентенциального актанта на *это*?

Мы рассматриваем следующие группы предикатов:

- фазовые глаголы: *начать*, *перестать*, *закончить* и др.;
- предикативы: оценочные (*важно*, *лучше бы*), модальные (*нужно*), эмоциональные и обозначающие восприятие (*уютно*, *приятно*);

- модальные глаголы (*мочь*) в эпистемическом и деонтическом прочтении;
- глаголы речевой каузации (*разрешить, велеть, приказать*);
- глаголы помощи и помехи (*помочь, помешать*);
- полувспомогательные глаголы (*стать, считать, оказаться*).

Порядок анализа этих групп не случаен: вначале анализируются фазовые глаголы, предполагающие самую большую семантическую слитность двух ситуаций (вершинная предикация кодирует фазу ситуации, а зависимая — ситуацию целиком). Затем рассматриваются конструкции с модальными глаголами и предикативами, которые тоже нередко содержат модальный компонент (слитность ситуаций здесь не такая высокая, как при фазовых глаголах, однако они и не являются сильно автономными друг от друга). Наконец, при глаголах с каузативным компонентом — глаголах каузации и помощи / помехи — две ситуации в большой мере автономны друг от друга (например, как показано в [Arylova 2006], они могут существенно отстоять друг от друга по времени). В конце описываются конструкции с полувспомогательными глаголами, отличающиеся от прочего материала — в них подчиненная ситуация вообще не выражается клаузой в строгом смысле, ср. невозможное **Сергея оказался быть никому не нужен*.

Требуется еще одна ремарка. В последних синтаксических исследованиях (например, [Stepanov 2007a; 2007b]) много внимания уделяется объему клаузы, из которой совершается подъем. Хотя мы полностью согласны с анонимным рецензентом в том, что этот фактор требует учета, здесь, к сожалению, мы не можем принять его во внимание: дело в том, что объем подчиненной клаузы — сложный параметр, который сам по себе может быть оценен только с помощью синтаксических тестов.

2.1. Субъект фазовых глаголов

Критерии:

Семантическая роль — не присваивается

Нестандартная сфера действия отрицательных единиц — практически невозможна

Нестандартная интерпретация неопределенных единиц — невозможна

Замена актанта на *это* — невозможна

Во многих работах фазовые глаголы считаются глаголами подъема (см., например, [Engerer 2013; Polinsky 2013; ТКПА 1985] и др.). Лишь в некоторых работах — например, у М. Полинской для цезского языка [Polinsky 2015] — эта точка зрения аргументируется синтаксическими критериями. В других упомянутых работах считается едва ли не аксиомой, что семантически фазовый глагол имеет только одну валентность — на ситуацию, перешедшую в некоторую фазу.

Аргументация исходит из актантной структуры фазовых глаголов. Известно, что субъект этих лексем может иметь практически любую семантическую роль:

(17) *Учитель начал диктовать правило* (агенс).

(18) *Самолет начал падать* (пациенс).

(19) *Я начал наконец что-то слышать* (экспериенцер).

В самых разных теориях принимается точка зрения, что в голове у говорящих существует лексикон, содержащий значения и модели управления лексем (соответствия между семантической ролью участника, его синтаксической позицией и способом выражения). Именно из лексикона берутся сведения об участниках ситуации, их возможности выражения при глаголе и способах маркирования. Конечно, запись типа «Данная синтаксическая

позиция может заполняться любым участником» не соответствует стандартным представлениям о лексиконе.

Анонимный рецензент справедливо указывает, что определенные ограничения на заполнение подлежащей позиции при фазовых глаголах все же существуют: например, странно выглядят конструкции с вложенным пассивом типа *Книга начала читаться мальчиком* или *Книга закончила быть читаемой мальчиком*. Однако здесь мы в большей мере имеем дело с семантико-прагматическими, а не синтаксическими ограничениями. В интернете можно найти примеры с подчиненным пассивом, которые кажутся абсолютно приемлемыми, например: *Страницы губернаторов быстро приобрели популярность и начали цитироваться СМИ* (<https://www.bankfax.ru/news/78863/>). Предложенный рецензентом пример сомнителен не по синтаксической структуре, а потому, что при наличии конкретного агенса логичнее сделать субъектом фазовой конструкции именно его (*Мальчик начал читать книгу*). Кроме того, возвратная форма *читаться* в целом нечасто используется в пассивном значении. Возможно, при конкуренции аргументов место субъекта при фазовом глаголе получит наиболее агентивный из них, однако нет свидетельств в пользу того, что есть жесткое ограничение на семантическую роль.

Тем не менее надежных синтаксических аргументов в пользу того, что структура с именным аргументом — результат подъема, скорее нет. Так, в русском языке это единственная возможная конструкция — никакой альтернативы с моделью управления ситуацией типа **Началось, что Петя опаздывает* не существует⁶.

Кроме того, неясно, как при трактовке через подъем рассматривать структуры типа *Самолет начал свое падение* — редкие, но все-таки возможные. В этом случае субъекту также не присваивается единая семантическая роль (он может быть и пациенсом, и агенсом, как в *Вася начал свой доклад*). Однако в структуре нет вложенной клаузы, из которой субъект мог бы подняться в главную.

Еще один аргумент против подъема состоит в том, что семантическая роль не при всех фазовых глаголах выбирается произвольно. Лексемы *закончить* или *прекратить* все-таки ограничивают свойства субъекта (см. подробнее [Летучий 2005; Волков 2014]). При этих глаголах субъектом редко является канонический пациенс:

(20) **Самолет закончил падать.*

Местоименные критерии подъема для фазовых глаголов не срабатывают. Например, для них практически невозможна конструкция с нестандартным отрицательным согласованием типа (21). Точно так же стандартную интерпретацию имеют конструкции с неопределенными местоимениями, как в (22) — возможна только широкая сфера действия: ‘Были такие люди, которые начали опаздывать’ (каждый раз одни). Однако невозможна узкая сфера действия: ‘Возникло положение дел, при котором некоторые опаздывают (возможно, каждый раз разные люди)’. Именно поэтому местоимение *кто-нибудь* в примере (22) сомнительно. Тем самым синтаксические критерии заставляют признать фазовые глаголы лексемами контроля, а их особенность в крайне сильной связи между матричным и фазовым предикатом.

(21) **Никто начал не приходить вовремя.*

(22) *Кто-то / ?кто-нибудь начал опаздывать / ??Начал кто-нибудь опаздывать?*

⁶ Правда, как было указано выше, в понятие подъема не входит требование, что структура без подъема также приемлема — может оказаться, что подъем в данном языке и данной конструкции обязателен. Речь просто о том, что отсутствие альтернативы без подъема лишает нас одного из возможных обоснований того, что при фазовых глаголах наблюдается подъем.

⁷ Здесь и в дальнейшем, напомним, мы не учитываем случаи, при которых в главном предложении нет средств выражения ирреальности, однако семантически реальность ситуации снижена, например: — *Вася говорил, что у него на спецкурсе куча студентов.* — *Ну, это он в самом начале*

Наконец, неоднозначный результат дает критерий местоимения *это*. Для фазовых глаголов *это*-прономинализация запрещена, что, казалось бы, могло бы свидетельствовать в пользу подъема.

(23) *Сергея начал ходить на концерты.*

(24) **Он это начал давно.*

Однако скорее прономинализация невозможна в силу большой синтаксической и семантической слитности матричной и вложенной клауз (см. Примечание).

Примечание. Другие аспекты поведения фазовых глаголов.

Если выйти за рамки противопоставления подъема и контроля, то мы обнаружим, что и другие синтаксические особенности фазовых глаголов скорее говорят не о подъеме, а о высокой степени синтаксической слитности главной ситуации (фазы) и зависимой (объемлющей ситуации). В частности, невозможны переход СА в позицию субъекта при пассиве (25) и номинализация с сохранением сентенциального актанта (26):

(25) **было начато рубить лес* (ср. возможное: *было решено рубить лес*);

(26) **начинание / начало / продолжение рубить лес*⁸.

По всей вероятности, для этой группы глаголов наиболее продуктивен анализ в духе С. Вурмбранд [Wurmbrand 2001], где такое «слитное» поведение матричного и вложенного предикатов анализируется как реструктуризация — две клаузы, претерпевая реструктуризацию, начинают вести себя как одна.

2.2. Дативный актант при предикативах

Критерии:

Семантическая роль — в части случаев присваивается, в части случаев нет

Нестандартная сфера действия отрицательных единиц — возможна

Нестандартная интерпретация неопределенных единиц — возможна

Замена актанта на *это* — в части случаев возможна, в части случаев невозможна

Более вероятными кандидатами на статус конструкций с подъемом являются конструкции с некоторыми предикативами типа *Мне приятно об этом слышать*, *Васе было холодно стоять* или *Каждому нужно побывать в Бразилии*. При помещении в контекст времени, отличного от настоящего, к предикативу добавляется связочный / вспомогательный глагол *быть*:

(27) *Мне было уютно [сидеть на кухне].*

Если вообще принимать гипотезу, что инфинитивные зависимые представляют собой отдельную клаузу, то конструкции с предикативом биклаузальны: *было уютно* — главная

говорил. Сейчас уже ноябрь, мы же знаем, как это бывает: кто-нибудь уже не сдает домашние задания, кто-нибудь начал опаздывать (= 'Из общих соображений или внешних проявлений ситуации мы можем заключить, что есть люди, которые не сдают домашние задания, и люди, которые опаздывают').

⁸ Мы согласны с соображением одного из анонимных рецензентов, что невозможность пассивизации и других преобразований говорит о моноклаузальности структуры. Однако именно эта моноклаузальность и указывает на тот факт, что фазовые глаголы не являются в полной мере глаголами контроля, не являясь в то же время и глаголами подъема.

клауза, а *сидеть на кухне* — зависимая. Мы принимаем гипотезу о биклаузальности (см. подробнее различные точки зрения в [Stiebels 2007], а также [Pesetsky 1991; 2017; Герасимова 2015], где показано, что разные типы инфинитивных клауз обладают различным семантическим объемом).

Согласно одной из наших предыдущих работ [Летучий 2018], синтаксические свойства предикативов разных групп сильно различаются. Для рассмотрения мы выбрали предикативы оценки (*лучше (бы), хорошо (бы), важно*), модальные предикативы (*нужно*) и предикативы эмоций (*приятно*). Можно показать, что дативный аргумент при предикативах выбранных групп занимает разную позицию⁹:

(28) *Мне приятно, что ты пришел.*

(29) *Студенту нужно быть прилежным.*

(30) *Порой она настолько ужасна, что многим лучше бы ее не знать* [Владимир Марышев. Фантастический рассказ. «Тени прошлого» // Юный техник, 2013].

Различия касаются таких критериев, как присваивание семантической роли в главной vs. зависимой клаузе и поведение отрицательных и неопределенных местоимений.

Часть предикативов (но не все) ведут себя, как предикаты подъема: к ним, например, относятся лексемы типа *нужно* или *лучше*, приведенные в (29) и (30) (см. [Say 2013; Циммерлинг 2003; 2011; Zimmerling 2009; Летучий 2014; 2018] о статусе аргументов, при предикативах). В (27) и (28) **предикативы эмоций уютно и приятно** выступают не в конструкции подъема, а в конструкции **контроля**. Естественно считать, что у предикатива *приятно* есть не только клаузальный аргумент, но и экспериенсер — именно он чувствует, что нечто приятно, тогда как без него употребление предикатива не имеет смысла. Вероятно, семантическая роль при *приятно* присваивается вершинным предикатом. По-видимому, способность датива при *уютно* контролировать инфинитив связана также с тем, что он одушевлен, а у предикатива нет синтаксического зависимого с более высоким синтаксическим статусом (см. [Sigurðsson 2002] о контролирующих свойствах дативного актанта в других конструкциях). Однако здесь мы не будем рассматривать этот вопрос подробно.

В случаях же (29) и (30) естественно считать, что главный предикат не присваивает дативному аргументу семантической роли. По-видимому, предикативы типа *лучше бы* имеют один аргумент — оцениваемую ситуацию. Дативная ИГ — это участник этой подчиненной ситуации. Именно поэтому здесь мы можем выдвинуть гипотезу о **подъеме**.

Интересно, что предикативы с частицей *бы* типа *лучше бы, хорошо бы, вот бы* всегда допускают датив. Их пары без *бы* более избирательны: например, *лучше* употребляется с дативом, а *хорошо* с ним сомнителен:

(31) — *Все знают, что детям и родителям лучше жить врозь* [Анатолий Алексин. Раздел имущества (1979)].

(32) [?]*Детям и родителям хорошо жить врозь.*

Другие критерии также скорее относят **модальные предикативы и предикативы оценки** типа *нужно* и *лучше* к предикатам подъема. Например, возможно нестандартное отрицательное согласование:

⁹ Как показано в [Летучий 2014], конструкции с предикативами сильно различаются еще и по синтаксическому статусу сентенциального актанта: при части из них СА является подлежащим, а при других — нет. Это видно, например, по их (не)способности прономинализоваться с помощью местоимения *это*, ср.: *Мне это приятно* vs. **Васе это было холодно / неуютно*. Однако здесь мы не обсуждаем статус сентенциального актанта.

- (33) *В своей медицинской деятельности много мне пришлось видеть таких оборотных сторон лагерной жизни, которые лучше бы никому не видеть...* [И. Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)].
- (34) *Просто никому нужно не забывать о законе* [Итоговый выпуск (вечерний) — 26.10.05 19:10 — Челябинск // Новый регион 2, 2005.10.27].

Отметим, впрочем, что предложения (33) и (34) приемлемы в разной мере: в (34) основным вариантом все-таки является *не нужно*, тогда как *никому не видеть* в (33) — это единственный способ выражения данной семантики без изменения лексических средств. В этом смысле (33) невозможно считать случаем контроля: такая интерпретация дала бы конструкцию, нестандартную сразу в двух отношениях:

- 1) нестандартное лицензирование отрицательного местоимения, расположенного в клаузе с предикативом *лучше бы*, из подчиненной клаузы с *не видеть*;
- 2) нестандартную интерпретацию, где для актанта ‘никто’ одна ситуация представляется более подходящей, чем другая (в действительности, конечно, речь идет обо всех возможных участниках, а не ни о ком).

Также допустима интерпретация неопределенных местоимений с узкой сферой действия:

- (35) — *Все равно надо кому-нибудь из командиров остаться* [Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)].

В (35) речь идет о том, что ‘Надо, чтобы кто-нибудь из командиров остался’. Точка зрения, что *кто-нибудь* интерпретируется именно как относящееся к ситуации ‘остаться’, поддерживается тем, что последовательности типа ? — *А почему Васю не отпустили за границу?* — *Кому-нибудь надо, чтобы он остался* в стандартном понимании (без семантики вывода) звучат странно. При стандартном понимании имеется в виду, что ситуация реальна, есть человек, которому надо, чтобы Вася остался, и он референтен, хотя говорящий может не знать, о ком именно идет речь. В подобной ситуации лучше выглядит местоимение ряда -то (*Кому-то надо, чтобы он остался*). Пример же (35) допустим именно потому, что *кому-нибудь* интерпретируется при вложенной, нереализованной ситуации.

Наконец, почти все структуры, где можно подозревать подъем, не допускают замены на *это* — при том, что при невыраженном актанте и в конструкции контроля (ср. (36)) она возможна. Точнее, требуемые структуры не всегда неграмматичны, но если они и возможны, они дают не ту интерпретацию, которую мы предполагали:

- (36) *Хочешь мне биографию изгадить? Тогда вопрос — зачем тебе это нужно? Я тебе дорогу перешел, что ли?* [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)].
- (37) *Я люблю вас, полюбите меня тоже — и двух других таких счастливых людей на земле не будет. — Это хорошо бы, — согласился Денис Иванович. — Но все-таки...* [Алексей Славовский. Гибель гитариста (1994–1995)].
- (38) * — *Надо мне кого-нибудь полюбить. — Да это тебе хорошо бы.*
- (39) # — *Мужчине нужно быть сильным. — Ты уверен, что мужчине это действительно нужно?*

Если дативная группа при предикативе типа *нужно* или *необходимо* с *это* возможна, это значит, что она имеет значение экспериенцера, чувствующего необходимость (например, в (36) конструкция означает ‘Почему ты думаешь / чувствуешь, что тебе это нужно’). В этом случае мы имеем дело с контролем, а не с подъемом. При отсутствии у дативной группы семантической роли прономинализация запрещена: (36) не может значить ‘зачем

нужно, чтобы ты мне изгадил биографию' (например, какому-нибудь человеку, кроме адресата, или обобщенному субъекту оценки).

2.2. Подъем при предикативах и одушевленность дативного участника

Трактовка конструкций с предикативом через подъем, однако, сталкивается с одной проблемой. Если мы предполагаем, что дативный аргумент не получает семантической роли от самого предикатива, мы можем ожидать, что ограничений на дативный актант предикатива в конструкциях типа (29) не будет вообще: все актанты, которые сочетаются со словом *сильный* в конструкциях типа *Нужно, чтобы Х был прилежным*, должны вроде бы сочетаться и с предикативом при подъеме.

Однако это не так. Обсуждаемые предикативы в разной мере допускают неодушевленный дативный аргумент. Например, он сомнителен при предикативах *нужно* и *хорошо бы* (40)–(41). Ограничения очень заметны как раз при местоимениях с нестандартной сферой действия (42)–(43).

(40) ??*Хорошо бы этому дому быть прочным.*

(41) ?*Кораблю надо быть прочным.*

(42) *Хорошо бы кому-нибудь встретить его у метро.*

(43) ??*Хорошо бы одной из этих книжек выйти в этом году.*

Кроме того, одушевленные актанты в конструкциях типа (34), (36)–(37) выглядят хуже, если вложенный предикат стативный. Иначе говоря, предложения вида *Васе хорошо бы стать сильным / подготовиться к экспедиции* смотрятся естественнее, чем *Васе хорошо бы быть сильным / готовым к экспедиции*. Тем самым при «подъемной» трактовке получается, что дативная позиция при предикативах является как бы смешанной в том смысле, что содержит аргумент из подчиненной клаузы и не присваивает ему роли, но ограничивает ее семантические особенности.

Для теории контроля и подъема это составляет проблему. Заметим, что трактовка типа предложенной Минором [Minog 2013] здесь не подходит. Трактовка Минора (см. о ней ниже) предполагает (для аккузативного или дативного аргумента глаголов типа *велеть* или *предложить*), что выбор должен быть возможен только из замкнутого множества референтов. Однако об одушевленности возможного референта местоимения эта трактовка ничего не говорит.

Скорее нужно думать, что употребление предикативов в конструкции подъема — явление производное от стандартной структуры, где дативный аргумент получает семантическую роль в главной клаузе и контролирует PRO в подчиненной. В производной «подъемной» конструкции семантическая роль уже присваивается в подчиненной клаузе. Однако ограничение на одушевленность остается от конструкции контроля.

Примечание. Ограниченность теста на неопределенные местоимения при модальной семантике.

В качестве одного из тестов на подъем выше было предложено употребление вроде бы в главной клаузе неопределенных местоимений с узкой сферой действия. Однако этот критерий довольно ограничен потому, что иногда сложно отличить одну сферу действия от другой.

Действительно, при каузативных глаголах типа *предложить* очевидно, что сфера действия не соответствует местоположению дативного аргумента. Однако при модальных

предикатах типа *лучше, надо* (например, в *Кому-нибудь надо уйти*) не вполне ясно, узкой является сфера действия или широкой. Безусловно, можно описать ее как узкую ('Надо, чтобы кто-нибудь ушел'), однако «широкое» описание тоже не противоречиво. В этом случае аргументом модального предиката является аргумент с квантором существования: 'Существует кто-то, кому надо уйти' (хотя, возможно, он не определен).

Точно так же при модальных глаголах (см. о них ниже) довольно затруднительно понять, верно ли, что в конструкциях типа *Кто-нибудь может опоздать* главная клауза обозначает реальную и референтную ситуацию, а вложенная ирреальную и нереферентную: два компонента (выраженный *может* и выраженный *опоздать*) семантически довольно плохо разделимы.

В этой связи критерий, связанный с неопределенными *нибуть*-местоимениями, менее надежен, чем критерий отрицательного согласования: отрицательное согласование регулируется не семантикой, а грамматическим правилом.

2.3. Субъект в конструкции с модальными глаголами

Критерии:

Семантическая роль — в части случаев присваивается, в части случаев нет

Нестандартная сфера действия отрицательных единиц — возможна

Нестандартная интерпретация неопределенных единиц — возможна

Замена актанта на *это* — в целом нехарактерна для модальных глаголов, однако скорее в силу сочетаемости местоимения *это*

Довольно существенные свойства подъема обнаруживают глаголы *мочь* и глаголы попытки (*попробовать, попытаться* — здесь мы не описываем их). Биклаузная сущность конструкций с модальными глаголами неоднократно подвергалась сомнению, например, в работах [Wurmbrand 2001] и [Arylova 2006]. Однако в данном случае для нас не слишком принципиально то, насколько зависимая предикация при модальных глаголах проявляет свойства клаузы. Важно, что модальные глаголы не отклоняются от стандартного поведения биклаузной конструкции в той же мере, что фазовые (например, замена на *это* хотя бы в некоторых случаях возможна, ср.: *Это он может / умеет*). Мы покажем, что некоторые свойства эпистемических (но не деонтических) конструкций указывают на то, что это конструкции подъема.

Семантическая роль может приписываться или не приписываться субъекту модального глагола, в зависимости от типа модальности (см. [van der Auwera, Plungian 1998] о типах модальности в целом и [Feldman 1986] о типах деонтической модальности). Так, при деонтической модальности (например, в значении способности), скорее всего, субъект получает семантическую роль в главной клаузе:

(44) *Петя умеет / может вести машину даже в полной темноте.*

Здесь Петя — это субъект способности, и не случайно, что такие контексты очень часто содержат одушевленных субъектов. При неодушевленном субъекте модальный предикат выражает ингерентное свойство предмета:

(45) *Этот материал может выдерживать давление около 10 атмосфер.*

Напротив, при эпистемической модальности, по-видимому, актант главного глагола не получает семантической роли в главной клаузе. В частности, возможны безличные конструкции типа *Может похолодать*. Кроме того, в конструкциях типа (46) субъект может иметь любую семантическую роль, и смысл главной клаузы от этого не меняется. Это

связано с тем, что субъект является участником вложенной ситуации (= ‘Может так случиться, что крыша рухнет’).

(46) *Крыша может рухнуть.*

О подъеме при эпистемической модальности свидетельствует и поведение местоимений. Так, глагол *мочь*, по свидетельству М. А. Холодиловой [Xolodilova 2015], допускает нестандартное отрицательное согласование. Отрицательное местоимение может употребляться с узкой сферой действия, находясь в главном предложении.

(47) *Об этом мог никто не узнать.*

То же верно и для неопределенных местоимений: они могут интерпретироваться при подчиненной ситуации:

(48) *Если они забредут на кухню, кто-нибудь может встать и прогнать их* [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)].

Естественно, при деонтической модальности нестандартная сфера действия местоимений невозможна:

(49) *#Никто может не переплыть эту реку за две минуты* (только в эпистемическом значении вероятности, но не в значении ‘никто не способен переплыть’).

(50) *#Кто-нибудь может не прийти / приходить на праздник* (только в значении вероятности, но не в значении ‘способен / готов не приходить’).

Тест на *это* дает неоднозначный результат. При модальных глаголах *это* возможно только в специфических дискурсивных условиях, как в (51). Однако существенно то, что *это* допустимо, прежде всего, в контекстах умения — внутренней возможности. При эпистемической возможности *это* едва ли допустимо, как в (52):

(51) *И когда я говорю о его даровании, о его замечательных рассказах, все иронически отвечают: «Это он может!»* [М. М. Пришвин. Дневники (1928)].

(52) ?? — *Дом может рухнуть. — Да, это он может.*

Следовательно, и результат последнего теста роднит конструкцию эпистемической возможности с конструкциями подъема.

Естественно, не допускает *это* в том числе конструкция с нестандартным прочтением местоимений, как в (47) и (48). В этом случае оба свойства — узкая сфера действия местоимений и невозможность *это* — указывают на подъем:

(53) * — *Кто-нибудь может нам помешать. — Да, кто-нибудь это может.*

2.4. Субъект при глаголах типа *предложить, велеть, приказать*

Критерии:

Семантическая роль — присваивается

Нестандартная сфера действия отрицательных единиц — возможна

Нестандартная интерпретация неопределенных единиц — возможна

Замена актанта на *это* — возможна (кроме собственно конструкций с нестандартной интерпретацией неопределенных и отрицательных местоимений) в силу наличия альтернативной интерпретации с контролем

Отдельные глаголы вербальной каузации типа *предложить, велеть, приказать, попросить* — тоже в некоторых контекстах ведут себя похоже на глаголы подъема. Правда, критерий роли относит их к глаголам контроля: у их дативного или аккузативного аргумента есть роль, присваиваемая матричным глаголом. В предложениях типа *Вася предложил мне уйти* актант *мне* — это адресат речевого акта *предложить*. Однако синтаксические тесты роднят эту группу с глаголами подъема. Например, данные глаголы допускают узкую сферу действия неопределенного местоимения:

- (54) «Одноглазый любитель» предложил кому-нибудь из нас перед жеребьевкой сгонять с ним неофициальную партию [И. С. Шкловский. Новеллы и популярные статьи (1982)].

Ситуация в (54) уже реализована. Следовательно, при стандартной интерпретации местоимения в главном предложении *кому-нибудь* должно было бы звучать сомнительно (напомним, *нибуть*-местоимения выглядят сомнительно, если участник референтен). Нормально выглядело бы местоимение ряда *-то* (*Предложил кому-то сыграть партию*).

Допустимо и нестандартное отрицательное согласование:

- (55) *Послал телеграмму, что право арестов принадлежит мне, и предложил никому не заниматься этим на свой риск* [В. Б. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923)].

Критерий прономинализации с *это* при данной группе не дает существенных результатов. Прономинализация в принципе возможна, но мы всегда можем отнести это на счет того, что у данных глаголов есть основная для них конструкция с контролем. Кроме того, прономинализация ограничена просто в силу семантики: местоимение *это* предпочитает заменять тематичные реальные ситуации. Именно поэтому примеры типа *Кто это приказал?* или *Царь этого не велел* редки и выглядят маргинальными.

Однако, как показывает Минор [Minor 2013], вряд ли здесь речь идет о стандартной конструкции подъема; см. также [Burukina, in print] о возможной трактовке каузативных предикатов как случаев ЕСМ. Речь идет о том, что местоимение типа *никто* или *кто-нибудь* — это субъект подчиненной клаузы, и данная структура возможна, если подчиненное предложение содержит контролируемый из главного «скрытый рестриктор» (группу, обозначающую набор референтов, из числа которых выбирается некоторый референт при *кто-нибудь* или не выбирается ни один при *никто*, см. подробнее раздел 4.1)¹⁰.

Запрет на прономинализацию с помощью *это*, как в (56) и (57), вполне объясним даже при отсутствии подъема. Трактовка через контроль рестриктора тоже требует наличия двух клауз. При замене одной из них на *это* данное условие не выполняется.

- (56) ??«Одноглазый любитель» предложил это кому-нибудь из нас.

- (57) *«Одноглазый любитель» предложил это никому.

¹⁰ В данной статье не рассматривается проблема, поднятая анонимным рецензентом: при некоторых глаголах дативный аргумент при глаголе *разрешить* и, возможно, некоторых других (например, *велеть*) может не являться прямым адресатом высказывания: например, в предложении *Директор велел всем ребятам навести порядок* возможно прочтение, при котором директор вообще не разговаривал с ребятами, а дал распоряжение своему заместителю. На сегодняшний день нам не вполне ясно, идет речь о различии в синтаксической структуре или в чисто семантических прочтениях глаголов, обозначающих речевые акты.

2.5. Субъект при глаголах *помогать* и *мешать*

Критерии:

Семантическая роль — присваивается, кроме, возможно, некоторых конструкций с *мешать*

Нестандартная сфера действия отрицательных единиц — маловероятна

Нестандартная интерпретация неопределенных единиц — маловероятна

Замена актанта на *это* — возможна из-за наличия альтернативной конструкции контроля

Предпоследняя интересующая нас группа — глаголы помощи и помехи (*мешать*, *помогать*). И. В. Бурукина [2018] считает, что подъем наблюдается в конструкциях с глаголами *помочь* и *помешать*. В частности, дативный аргумент может быть компонентом идиомы из подчиненной клаузы, что подтверждает, что исходно он тоже принадлежит к подчиненной клаузе:

(58) *Я не помешал черной кошке пробежать между нами* [Там же: 38].

Начнем проверять эти глаголы. Критерий семантической роли, как может показаться, скорее свидетельствует против подъема: в предложениях типа (59) и (60) дативные актанты имеют, соответственно, роли бенефицианта и малефицианта:

(59) *Петя помешал мне работать*.

(60) *Начальник помог мне составить отчет*.

Однако на самом деле имеются и «неагентивные» употребления, где дативный аргумент не выражает участника, которому агенс активно помогает или противодействует:

(61) *То, что Петя поставил сыр в холодильник, не помешало ему испортиться*.

Можно считать, что *мешать* на семантическом уровне имеет событийного участника ('не помешало тому, чтобы сыр испортился'). В этом случае роль пациенса участник *сыр* получает в подчиненной клаузе.

Тем не менее синтаксические критерии, связанные с прономинализацией, скорее опровергают «подъемную» интерпретацию. В частности, нестандартное отрицательное согласование и узкая сфера действия неопределенных местоимений при данных глаголах все-таки невозможны. Примеры типа (62) и (63) (с нестандартным отрицательным согласованием) и (64) (с нестандартной сферой действия *нибудь*-местоимения) не кажутся стопроцентно недопустимыми, однако не найдены в НКРЯ и системе Google:

(62) *³Это помогло никому из нас не стать брюзгой и занудой*.

(63) *³Это помешало кому-нибудь перебить Петрова*.

(64) *³Это помешало возникнуть какой-нибудь неловкой ситуации*.

Прономинализация с *это* в целом возможна (65)–(66). Однако она затруднена, если позицию дативного аргумента (например, при *помешать*), как в (67), занимает неодушевленный актант.

(65) *Сейчас черная полоса, как мне кажется, проходит. — Попадание в стартовую пятрку на матч за Кубок Вызова в этом помогло?* [Никита Соколов. Гулливер с Урала. Самый высокий игрок МХЛ — Никита Трямкин — вымахал на 202 сантиметра. И продолжает расти! // Советский спорт, 2013.02.12].

(66) *Система охраны помешала пожару распространиться в другие районы города*.

(67) *??Система охраны помешала в этом пожару.*

Точно так же сомнительны примеры, где дативный аргумент при *помешать* одушевлен, но вложенная ситуация неагентивна.

(68) *Родители помешали Сереже стать алкоголиком.*

(69) *??Сережа не стал алкоголиком. В этом ему помешали родители.*

Эти данные допускают две интерпретации. Либо у *помешать* есть употребления, где аргумент главной клаузы (*пожар* в (66), *Сережа* в (68)) получает семантическую роль не от главного глагола, а от подчиненного, а затем поднимается в главную клаузу. Либо же прономинализация с помощью *это* возможна только при агентивном актанте — и тогда ситуация с *помогать* и *мешать* не имеет отношения к проблеме подъема.

2.6. Субъект при глаголах типа *считать* и *оказаться*: Асимметрия неопределенных и отрицательных местоимений при полусвязочных глаголах

Критерии:

Семантическая роль — в части случаев присваивается, в части случаев нет
Нестандартная сфера действия отрицательных единиц — возможна
Нестандартная интерпретация неопределенных единиц — возможна
Замена актанта на *это* — почти всегда невозможна

Последней конструкцией, которую мы здесь рассматриваем, является конструкция с глаголами типа *стать*, *считать* и *оказаться*:

(70) *Вася оказался глупым человеком.*

(71) *Новой власти стали нужны инженеры.*

Сразу отметим, что данные конструкции выделяются из прочего нашего материала. Конструкции типа (70) не содержат двух клауз в стандартном смысле (т. е. не могут содержать двух глагольных вершин, главной и подчиненной). Однако мы покажем, что тесты на сферу действия местоимений дают такой же результат, что и в стандартной конструкции с подъемом¹¹. Вообще, как показано Л. Бэбби [Babby 1999] и Л. Гайст [Geist 2010], конструкции с прилагательными и бытийными / полувспомогательными глаголами во многом удобно анализировать как полипредикативные структуры с неканонической зависимой клаузой — малой клаузой (см. также обсуждение и обзор точек зрения в [Bailyn 2001; 2011: 185; Pereltsvaig 2000]).

Отрицательные местоимения при *считать*, *оказаться*, *стать* могут лицензироваться отрицанием в инструментальной конструкции, занимая синтаксическую позицию в главной клаузе:

(72) *Я считаю невозможной никакую успешную коллективную деятельность без то-лики бескорыстной привязанности к коллективу* (magazines.russ.ru/zvezda/2005/11/mel10-pr.html) (ср. *невозможна никакая успешная деятельность*).

(73) *Никто из них стал не нужен* (ср. *никто не нужен*).

¹¹ Напомним, что инструментальные группы — актантные (*Я считаю Васю дураком*, *Вася оказался дураком*) и неактантные (*Вася снова пришел на собрание пьяным*) не раз анализировались как содержащие две клаузы, хотя одна из них может быть в том или ином смысле ущербной (см., в частности, [Bailyn 2001]).

Отметим, что для неопределенных местоимений позиция в главной клаузе невозможна.

(74) *Я считаю, что возможен какой-нибудь другой вариант.*

(75) *??Я считаю возможным какой-нибудь другой вариант.*

(76) *??Я считаю необходимым какой-нибудь значимый проект.*

Во всяком случае, сама по себе возможность нестандартной сферы действия у отрицательных местоимений указывает на то, что в конструкциях со *считать*, *оказаться*, *стать* подъем скорее всего наблюдается. Если бы мы считали, что в примерах типа (72) и (73) имеется всего одна клауза, а *не нужен* — стандартный комплемент при глаголе *стать*, было бы неясно, каким образом подлежащее-неопределенное местоимение *никто* лицензируется более низким по позиции отрицанием внутри комплемента *не нужен*. Ср. примеры ниже, где аналогичным образом ведет себя *оказаться* (77)–(78). Конечно, конструкции типа (78) допустимы в контекстах снятой утвердительности — см. (79), — но это никак не связано с вопросом о подъеме.

(77) *Ни один из этих вариантов развития событий оказался не возможен.*

(78) *??Оказался возможным / возможен какой-нибудь другой вариант развития событий.*

(79) *Если бы оказался возможным какой-нибудь другой вариант развития событий, мы и его приняли бы во внимание.*

Тест на местоимение *это* при глаголах типа *считать* не дает существенных результатов. Во-первых, при глаголах мнения прономинализация с помощью *это* вообще крайне сомнительна — ср. почти неприемлемые предложения типа *??Он это полагает*, *??Он это считает* и невозможное **Это оказалось*. Во-вторых, в конструкциях типа *Я считаю возможным какой-нибудь другой вариант* одна клауза — во всяком случае, на поверхностном уровне главная и подчиненная клауза не разграничиваются. Стандартно же *это* применяется именно для биклаузальных конструкций.

2.7. Итог применения к конструкциям местоименных критериев подъема

В таблице ниже подытоживается результат применения трех наших критериев к конструкциям, которые мы подозреваем в способности к подъему. Знак «+» означает результат, ожидаемый для подъема, «–» — что результат ожидаем для контроля.

Таблица

Результаты применения некоторых критериев подъема к русским конструкциям

Конструкции	Семантическая роль	Неопр.	Отриц.	это
фазовые	+	–	–	+(слитность)
модальные (в эпистемическом прочтении)	–, +	+	+	+
<i>предлагать</i> и др. каузативные	–	+	+	+
<i>помогать</i> и <i>мешать</i>	–, +	–	–	–
<i>считать</i> и др. полусвязочные	(–)+	–	+	0
предикативы	–, +	+/–	+/–	+/–

Наибольшее сходство со стандартными конструкциями подъема демонстрируют модальные глаголы, глаголы объектного контроля типа *предлагать* и конструкции с предикативами¹². Однако, как будет показано ниже, глаголы объектного контроля лучше сочетаются с другим анализом, предложенным С. Минором [Minor 2013].

3. Местоименные критерии и критерий пассива

Как уже говорилось, одним из ключевых критериев подъема является критерий пассива. Поскольку реальным, семантически мотивированным актантом при глаголах подъема является предикация, а не ее актант, при подъеме все равно, из пассивной или из активной конструкции выносится субъект.

(80) *I expected my colleagues to discuss this problem.*

(81) *I expected this problem to be discussed by my colleagues.*

Оба предложения — (80) и (81) — означают просто 'Я предполагал, что мои коллеги обсудят эту проблему'.

Почти все конструкции не проходят тест на пассив. Бурукина [2018] и Минор [Minor 2013] продемонстрировали это для глаголов помощи и каузации соответственно: пассивная конструкция значит не то же, что активная, и менее приемлема:

(82) *Прохожие помешали хулиганам избить девушку* — ??*Прохожие помешали девушке быть избитой хулиганами.*

(83) *Преподаватель предложил кому-нибудь решить какое-нибудь задание* — **Преподаватель предложил какому-нибудь заданию быть решенным кем-нибудь.*

Если считать, что данные группы глаголов являются глаголами подъема, поведение пассива не объясняется. Однако выше мы видели, что и поведение местоимений скорее говорит для этих групп не о подъеме, а о контроле.

Модальные глаголы допускают замену в разной мере: *мочь* в эпистемическом употреблении уравнивает активную и пассивную конструкции:

(84) *Файл могла изменить установочная программа.*

(85) *Файл мог быть изменен установочной программой.*

Напротив, при выражении необходимости пассивы выглядят неестественно. Впрочем, их нельзя назвать неграмматичными — пример (87) не слишком естествен, но приемлем:

(86) *Петя должен был уже купить хлеб.*

(87) *Хлеб должен был быть уже куплен.*

Предикативы также ведут себя разнородно. Однако пассивные конструкции при них почти всегда звучат неестественно:

(88) *...хорошо бы Клубу издавать журнал с разъяснениями своей позиции — но это дело бесполезное: кто-то будет такой журнал читать?* [Сергей Залыгин. Клуб Вольных Долгожителей // «Новый Мир», 1998].

(89) **Хорошо бы журналу издаваться клубом.*

(89') #*Смешно было бы этой проблеме обсуждаться так подробно.*

¹² Большое количество промежуточных результатов в строке «предикативы» связано с тем, что класс предикативов весьма гетерогенен, в том числе по критериям подъема / контроля.

В этой связи вспомним, что конструкции с предикативами, несмотря на свою близость к подъему, ограничивают одушевленность субъекта. Возможно, с этим ограничением сближается и ограничение на пассивизацию: ясно, что агентивность субъекта при пассиве гораздо ниже, чем у субъекта при активном залоге, а значит, он отстоит дальше от стандартных одушевленных участников.

Казалось бы, конструкция с *хорошо бы* + DAT синонимична *хорошо бы, чтобы*. Дативный актант в ней поднят из подчиненной предикации, о чем свидетельствует возможность употребления неопределенных и отрицательных местоимений с узкой сферой действия. Однако выясняется, что критерий пассива ведет себя иначе, чем мы бы ожидали при подъеме.

Фазовые глаголы допускают пассивизацию без изменения смысла:

(90) *Рабочие начали строить дом.*

(91) *Дом начал строиться рабочими.*

Однако выше мы отмечали крайне высокую степень синтаксической спаянности фазового и смыслового глаголов. Этим же может быть объяснена свобода пассивизации: если пассивизируется смысловой глагол, пассивизироваться может и конструкция с фазовым глаголом, тоже близкая по свойствам к одному глаголу.

4. Альтернативная трактовка рассматриваемых конструкций

В этом разделе мы показываем, какие существуют способы анализа рассмотренных выше конструкций. Помимо подъема, объяснение может задействовать контроль рестриктора (см. 4.1) или более простую структуру с дативом, остающимся в подчиненной клаузе, как в 4.2.

4.1. Анализ в терминах скрытого рестриктора

Как показывает Минор [Minor 2013], некоторые противоречия в трактовке каузативных и близких к ним глаголов объясняются, если рассмотреть семантику конструкций с неопределенным местоимением. Ср. следующие примеры:

(92) *Сергея дал объявление в интернете и попросил, чтобы кто-нибудь прислал ему эту статью.*

(93) *Сергея дал объявление в интернете и попросил кого-нибудь прислать ему эту статью.*

Как кажется, в этом контексте конструкция с подъемом менее типична, чем без подъема. При этом в другом контексте конструкции одинаково приемлемы:

(94) *Преподаватель попросил кого-нибудь из нас принести мел.*

(95) *Преподаватель попросил, чтобы кто-нибудь из нас принес мел.*

По всей вероятности, конструкция с подъемом выглядит лучше, если просьба обращена к некоторому закрытому классу адресатов (пусть даже и неизвестно, какой из них на нее откликнется). Для нейтральной конструкции это условие не действует. Можно заключить, что конструкции типа (93) или (94) отличаются от стандартных случаев подъема, где поднятый аргумент создает синтаксическую позицию в главной клаузе, которой

в исходной конструкции не было. Здесь в исходной конструкции уже есть адресат (возможно, это множественный участник типа ‘мы’, ‘все ребята’ и т. д.). При употреблении конструкции с подъемом в главную клаузу поднимается неопределенное местоимение.

Минор [Minor 2013: 37] называет такие конструкции «конструкциями с контролем скрытого рестриктора» и предлагает для них следующее представление:

(96) He advised pro_i [some IT-specialist among pro_i to take care of it] [Ibid.: 37].

Иначе говоря, адресат глаголов типа *советовать* не выражен. То, что выглядит на поверхности как дативный / аккузативный адресат (*кому-нибудь*) — это субъект подчиненного глагола, возможный при том условии, что в конструкции есть некоторый рестриктор, ограничивающий референцию участника (‘Посоветовал (всем), чтобы кто-нибудь (из этого множества «всех») прислал ему эту статью»). При этом, по Минору, глаголы типа *советовать* — это глаголы контроля, а не подъема, только контролирующий адресат — множество, из которого выбирается референт, — не выражен на поверхности.

Впрочем, в этом анализе есть один недостаток. Если мы считаем, что *кто-нибудь* в (93) или (94) — это элемент подчиненной клаузы, встает вопрос, как рассматривать *Петю* в примере типа (97):

(97) *Учитель попросил Петю принести мел.*

Вероятно, естественнее всего считать, что *Петя* — изначально элемент главной клаузы (иначе говоря, (97) — конструкция контроля). В частности, при референтном имени типа *Петя* крайне сомнителен порядок типа (99), аналогичный (98) (с неопределенным местоимением), где *Петя* линейно располагается среди элементов зависимой клаузы. Однако, несмотря на это, возможны сочиненные конструкции типа (100).

(98) *Учитель попросил завтра кого-нибудь из нас зайти к нему.*

(99) *??Учитель попросил завтра Петю зайти к нему.*

(100) *Учитель попросил Петю и кого-нибудь еще принести две новые парты.*

В трактовке Минора (2013), один из конъюнктов в (100) (*Петя*) относится к главной клаузе, а другой (*кто-нибудь*) — к подчиненной. Если это так, они не должны подвергаться сочинению — в стандартном случае сочиняемые элементы занимают одну структурную позицию. Интерпретация таких конструкций возможна в двух случаях:

- А) если предположить, что и конкретно-референтные группы типа *Петя* способны принадлежать к подчиненной клаузе при операторе в главной.
- Б) если предположить, что сочинение возможно даже при нахождении сочиняемых групп (*Петя* и *кто-нибудь* в разных позициях).

Вариант А) логически безупречен, но не слишком доказателен. Например, если бы *Петя* находился в подчиненной клаузе и был не адресатом, а тем, чьи действия регламентирует субъект, то предложение интерпретировалось бы примерно как ‘Учитель попросил (нас всех), чтобы Петя и еще кто-нибудь (из нас всех) принесли новые парты’. Видимо, предложение (100) такого смысла не имеет: если вторая часть *кого-нибудь* предполагает обращение ко всему классу, то первая — только к Пете.

С другой стороны, вариант Б) нарушает общее ограничение (хотя и не всегда строгое), согласно которому конъюнкты должны занимать одну синтаксическую позицию. На сегодняшний день удовлетворительного объяснения такого рода конструкциям у нас нет.

Применим тест на закрытость класса референтов к другим рассмотренным ранее конструкциям. Как уже говорилось, для конструкций с **фазовыми глаголами** и **глаголами типа *помогать*** нестандартная сфера действия местоимений сомнительна. Поэтому для них нет смысла задаваться вопросом о закрытости класса референтов. Остальные рассматриваемые конструкции тоже не требуют интерпретации класса как закрытого:

- (101) *Каждому человеку хорошо бы иметь мечту.*
- (102) *Кому-нибудь нужно выступить против власти (кому-нибудь может относиться и к элементу известного закрытого класса, и к любому не референтному человеку).*
- (103) *Кто-нибудь может ему наругать.*
- (104) *Его может просто никто не узнать.*

4.2. Подъем и дативная группа *in situ*

Как было показано выше, кроме контроля, существует еще одна альтернатива подъему — исключительное падежное маркирование (ЕСМ) аргумента подчиненной клаузы. Иначе говоря, не исключено, что рассматриваемая группа так и осталась *in situ*, в нижней клаузе, и не перемещалась в главную — это тем более вероятно, что при инфинитиве подлежащее выражается именно дативной группой:

- (105) *Я приеду заранее, чтобы тебе не ждать.*
- (106) *Ученому лечиться у экстрасенса — полная глупость.*

Если для некоторой конструкции мы считаем, что именная группа не претерпела подъема и не является контролером PRO, а принадлежит к зависимой клаузе, то проблема нестандартного отрицательного согласования снимается. Согласование просто имеет место в подчиненной клаузе.

Ниже в качестве теста на позицию *in situ* используется собственно линейная позиция и критерий ответа на вопрос.

4.2.1. Подъем и линейная позиция аргументной группы

Нередко на приемлемость конструкций, которые мы трактуем в терминах подъема, влияет линейное расположение аргумента и глагола.

Позиция аргументов, которые мы можем рассматривать как поднятые, в разной мере свободна для разных групп предикатов. Например, при **модальных предикатах** допустима и позиция, линейно относящаяся к главной клаузе, как в (107), и к подчиненной, как в (108):

- (107) *Кто-нибудь мог [об этом узнать].*
- (108) *Об этом мог [еще вчера кто-нибудь узнать].*

В (107) *кто-нибудь* находится в главной клаузе и отделено от подчиненной клаузы вершинным глаголом *мог*. И наоборот, в (108) *кто-нибудь* отделено словами *еще вчера* от главной клаузы.

При некоторых предикативах линейные свойства различают неопределенные и отрицательные местоимения. Например, при вершинах *необходимо, нужно, лучше бы* к главной клаузе могут примыкать именно неопределенные местоимения, но не отрицательные. Если же местоимение линейно примыкает к подчиненной клаузе, оно может быть и отрицательным, и неопределенным.

- (109) *Кому-нибудь нужно поехать.*
- (110) *Никому нужно не ехать.*
- (111) *Кому-нибудь лучше бы его встретить.*

(112) *Лучше бы завтра кому-нибудь его встретить.*

(113) **Никому лучше бы этого не видеть.*

(114) *Лучше бы завтра никому не приходиться.*

При **полувспомогательных глаголах** типа *считать* или *оказаться* отрицательное местоимение тоже с трудом находится в главной клаузе, а неопределенное может там находиться:

(115) *Учитель считал невозможным никакой компромисс.*

(116) **Учитель считал никакой компромисс абсолютно невозможным / *Никакой компромисс учитель считал абсолютно невозможным.*

(117) *Какой-либо компромисс учитель считал абсолютно невозможным.*

(118) **Учитель считал никого из нас не сильным учеником.*

(119) **Никого из нас учитель считал не способным на это.*

Однако при глаголе *оказаться* одушевленные группы допустимы и могут занимать обе стандартные позиции (120).

(120) *Оказались ненужными ни физики, ни лирики / Ни физики, ни лирики оказались ненужными.*

Наконец, если возможны нестандартные употребления фазовых глаголов, позиция местоимения тоже фиксирована: если даже можно сказать *?У меня начало ничего не получаться*, то невозможно **Ничего начало у меня не получаться*.

Данные ограничения позволяют сделать два вывода. Во-первых, неопределенные и отрицательные местоимения в синтаксическом смысле являются двумя разными классами, а не одним и тем же. Во-вторых, даже конструкции, которые можно квалифицировать как подъем, более приемлемы, если местоимение сохраняет близость к исходному расположению. Это сближает местоимения с группами *in situ*.

4.2.2. Критерий ответа на вопрос

Теперь проанализируем возможность интерпретации рассмотренных конструкций как конструкций с аргументом *in situ* более подробно. Для конструкций с предикативами, глаголами типа *помешать* и типа *приказать* проверяется позиция дативного аргумента, а для фазовых, модальных и полувспомогательных глаголов — субъекты в номинативе. Для анализа мы используем следующий тест: если зависимое остается в нижней клаузе, то может вместе с остальной нижней клаузой быть ответом на вопрос:

(121) — *Зачем ты пришел на остановку?* — *Чтобы тебе не ждать.*

Для конструкций с предикативами, каузативными глаголами и глаголами помощи и помехи интерпретация *in situ* не проходит:

(122) — *Что сейчас нужно?* — *Тебе об этом подумать.*

(123) ^{??} — *Что необходимо для успеха?* — *Нам не опаздывать*¹³.

(124) ^{*} — *Что приказал генерал?* — *Мне пойти все разузнать.*

(125) ^{*} — *В чем помешало это событие?* — *Начаться матчу.*

¹³ Отметим, впрочем, что в конструкциях с модальными предикативами типа *необходимо* некоторым носителям кажутся приемлемыми ответы на вопрос с инфинитивом + дативом.

Однако если зависимое является неопределенным или отрицательным местоимением, оно проходит тест на аргумент *in situ*:

Предикативы:

(126) — *Что необходимо для успеха? — Прежде всего, никому не опаздывать / кому-нибудь взять на себя руководство.*

Каузативные глаголы:

(127) — *Что ты предлагаешь? — Никому не выходить и не входить.*

Это означает, что отрицательные местоимения ведут себя нестандартно с точки зрения позиции. Они могут оставаться *in situ*, тогда как полные ИГ в синтаксических актантах должны находиться в главной клаузе. Впрочем, линейная позиция актанта при предикативе скорее противоречит статусу *in situ*. Рассмотрим предложения (128) и (129):

(128) *В этот раз никому надо / лучше бы [не опоздать].*

(129) **Никого / никому я просил [не опаздывать].*

Предложение (129) не противоречит гипотезе о группе *in situ*: *никого* или *никому* довольно плохо отделяется от материала подчиненной клаузы. Напротив, (128) скорее противоречит этой гипотезе: местоимение отрицательной полярности *никому* может отделяться от подчиненной клаузы самым вершинным предикатом.

Заключение

Итак, мы рассмотрели те структуры русского языка, для которых уместен вопрос о подъеме. При этом оказалось, что типичные для общепризнанных «языков с подъемом» критерии здесь вряд ли годятся. В русском нет конструкций, похожих на английские, где аргумент переходит из подчиненной в главную клаузу с одновременной сменой типа синтаксического актанта.

Мы не претендовали на описание всех возможных тестов на подъем в русском языке. В фокусе нашего внимания были свойства конструкций, связанные с прономинализацией: нестандартную интерпретацию неопределенных и отрицательных местоимений и невозможность местоимения *это*. В то же время мы всегда проверяли, действует ли главный критерий подъема: верно ли, что вершинный предикат не присваивает своему аргументу семантической роли.

По данным прономинализации, наиболее близки к конструкциям подъема модальные глаголы и некоторые конструкции с предикативами. Глаголы объектного контроля проявляют ряд свойств, близких к конструкциям подъема, однако, как было показано в статье, для них даже лучше подходит другая интерпретация — предложенное С. Минором описание через контроль скрытого рестриктора.

Оказалось, что критерии, связанные с прономинализацией, не всегда соответствуют традиционным критериям пассива и идиомы. Например, при глаголе *просить* допустима нестандартная интерпретация местоимений. Однако критерий синонимичности пассивной и активной конструкций не проходит. Именно поэтому, в частности, для данных глаголов выбирается описание не через подъем и не через стандартный контроль, а третье решение — нестандартное описание через контроль рестриктора. И наоборот, при глаголах *мешать* и *помогать*, где пассивные и активные конструкции в подчиненной клаузе бывают квазисинонимичны, сомнительна узкая интерпретация местоимений.

Существенно затрудняет анализ и то, что в русском языке конструкции, где можно подозревать подъем, задействуют дативный аргумент (аккузативные объекты, возможно, поднимаются только при каузативных матричных предикатах типа *просить*). Всегда есть подозрение, что этот аргумент относится к подчиненной клаузе и является неканоническим подлежащим при инфинитиве.

Как оказалось, кроме двух противопоставленных подходов 1) и 2), возможны две конструкции 3) и 4), при которой интересующий нас элемент находится в подчиненной клаузе:

- 1) стандартная конструкция контроля с аргументом, принадлежащим изначально главной клаузе (ср. *Я хочу пойти в кино*);
- 2) стандартная конструкция подъема с аргументом, поднятым из подчиненной клаузы, для которого в главной создается новый не соответствующий валентности синтаксический слот (ср. *Никто оказался не нужен*);
- 3) конструкция контроля с контролем скрытого рестриктора — с невыраженным местоименным аргументом (рестриктором) в главной клаузе, который контролирует кореферентный невыраженный аргумент во вложенной клаузе, и дативным аргументом в подчиненной клаузе;
- 4) конструкция без контроля рестриктора, где дативный аргумент принадлежит подчиненной клаузе и не поднимается в главную (аргумент *in situ*, exceptional case marking).

Интерпретация конструкции как структуры с аргументом *in situ* позволяет понять, почему конструкции типа *У меня стало ничего не получаться* маргинально возможны, но не допускаютмены порядка слов на *У меня ничего стало не получаться*.

Следует сказать и еще одну вещь, обобщающую свойства русских конструкций. Подъем, если все-таки усматривать его в русском и сходных языках, занимает не то же самое место в системе, что в английском. Если в английском языке подъем — это нередко фундаментальная перестройка структуры, создающая новую синтаксическую и семантическую позицию в главной клаузе, то в русском дело обстоит не так. Подъем здесь — это не перестройка структуры, а ее реинтерпретация. В главной клаузе **не создается** новая позиция. Аргумент нижней клаузы продвигается в верхнюю клаузу на **существующую** позицию, в которой те или иные предикаты данного класса допускают ингерентный, не поднятый аргумент. Тем самым, можно сказать, что процессы, напоминающие подъем, используют существующие структуры контроля, можно сказать, паразитируют на них. Например, при предикативах есть стандартные дативные аргументы, которым предикатив присваивает семантическую роль (*Мне приятно здесь находиться*). Однако благодаря тому, что а) стандартно актант предикатива в инфинитивной конструкции совпадает с субъектом вложенной клаузы и б) и экспириенцер главной ситуации, и субъект инфинитивной конструкции могут выражаться в русском языке дативом, конструкция получает другое прочтение, где семантическая роль присваивается дативному аргументу не в главной, а в подчиненной клаузе.

При этом не вполне ясно, почему такой подъем более допустим, чем подъем английского типа. Если мы считаем, что предикативы типа *важно* допускают и не поднятый, ингерентный аргумент в главной клаузе (*Мне важно об этом сказать*), то неясно, как данная ингерентная позиция замещается поднятым аргументом. Вероятно, следует считать, что подъем в русском языке имеет семантическое измерение — ингерентный аргумент семантически ослабляется, не получает семантической роли, а затем на место стандартной интерпретации подставляется интерпретация с подъемом (*Борцу важно быть сильным*).

Возможно, именно из-за того, что подъем «паразитирует» на существующих позициях, в некоторых случаях (например, при предикативах) на дативные аргументы в структурах подъема налагаются ограничения, связанные с одушевленностью. Данные ограничения наследуются от конструкций, где дативная позиция занята ингерентным аргументом матричного предиката.

В то же время нужно сказать, что нам пока не удалось найти объяснения асимметрии неопределенных и отрицательных местоимений в конструкциях типа *Кому-нибудь*

необходимо приехать / ?Никому необходимо не приезжать и их линейной позиции. Эти явления еще ждут своего анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бурукина 2018 — Бурукина И. С. О возможности подъема подлежащего в русском языке. *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции*. Вып. 4. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. (ред.). Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018, 34–44. [Burukina I. S. On possibility of subject raising in Russian. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. No. 4. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V. (eds.). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2018, 34–44.]
- Волков 2014 — Волков О. С. *Типология инхотативных показателей: грамматикализация и модели полисемии*. Рукопись, 2014. [Volkov O. S. *Tipologiya inkhoativnykh pokazatelei: grammatikalizatsiya i modeli polisemii* [Typology of inchoative markers: Grammaticalization and patterns of polysemy]. Ms., 2014.]
- Герасимова 2015 — Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу клаузы в русском языке. *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП-2015»*. Вып. 2. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). М.: МПГУ, 2015, 47–61. [Gerasimova A. A. Licensing of negative pronouns across the clause boundary in Russian. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «TMP-2015»*. No. 2. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. (eds.). Moscow: Moscow State Univ. for Education, 2015, 47–61.]
- Летучий 2005 — Летучий А. Б. Непротоотипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы. *Вопросы языкознания*, 2005, 4: 57–75. [Letuchiy A. B. Non-prototypic transitivity and lability: The phasal labile verbs. *Voprosy Jazykoznanija*, 2005, 4: 57–75.]
- Летучий 2014 — Летучий А. Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах. *Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова*, 2014, 1: 62–84. [Letuchiy A. B. Syntactic properties of complement clauses governed by predicatives. *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova*, 2014, 1: 62–84.]
- Летучий 2018 — Летучий А. Б. Предикативы. *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Вып. 3: *Части речи и лексико-грамматические классы*. Плунгян В. А., Стойнова Н. М. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2018, 136–192. [Letuchiy A. B. Predicatives. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka* [Material for a corpus-based Russian grammar]. No. 3: *Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* [Parts of speech and lexical-grammatical classes]. Plungian V. A., Stoynova N. M. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2018, 136–192.]
- Летучий 2019 — Летучий А. Б. Местоимение *это* как показатель анафоры к ситуации: семантика и сочетаемость. *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2019, 237–279. [Letuchiy A. B. The pronoun *eto* as a marker of event-anaphora: Semantics and collocability. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy*. Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2019, 237–279.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- ТКПА 1985 — Храковский В. С. (отв. ред.). *Типология конструкций с предикатными актантами*. СПб: Наука, 1985. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya konstruktssii s predikatnymi aktantami* [Typology of constructions with complement clauses]. St. Petersburg: Nauka, 1985.]
- Циммерлинг 2003 — Циммерлинг А. В. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации. *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы*. Онипенко Н. К., Молдован А. М., Белоусов В. Н. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2003, 54–59. [Zimmerling A. V. Predicatives and qualitative adverbs: Word classes and directions of derivation. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy*. Onipenko N. K., Moldovan A. M., Belousov V. N. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003, 54–59.]
- Циммерлинг 2011 — Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке. *От формы к значению, от значения к форме. Сборник статей в честь 80-летия А. В. Бондарко*. Воейкова М. Д. (отв. ред.). М.: Знак, 2011, 568–590. [Zimmerling A. V. Non-canonical subjects in Russian. *Ot formy k znacheniyu, ot znacheniya k forme. Sbornik statei v chest' 80-letiya A. V. Bondarko*. Voeikova M. D. (ed.). Moscow: Znack, 2011, 568–590.]

- Arylova 2006 — Arylova A. *Infinitival complementation in Russian*. Master degree diss. Tromsø: Arctic Univ. of Tromsø, 2006.
- van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 1(2): 79–124.
- Babby 1999 — Babby L. H. Adjectives in Russian: primary vs. secondary predication. *Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL-7)*. The Seattle meeting 1998 (Michigan Slavic Materials 44). Dziver-ek K., Coates H., Vakareliyska C. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1999, 1–16.
- Bailyn 2001 — Bailyn J. The syntax of Slavic predicate case. *ZAS Papers in Linguistics*, 2001, 22: 1–23.
- Bailyn 2011 — Bailyn J. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Burukina, in print — Burukina I. Russian verbs of order and permission: Between obligatory control and ECM. *Proc. of Formal Description for Slavic Languages 12.5*. In print.
- Culicover, Jackendoff 2005 — Culicover P., Jackendoff R. *Simpler syntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Engerer 2013 — Engerer V. Towards a theory of phases and phasal verbs in language typology. 2013, ms. URL: http://pure.iva.dk/ws/files/35044787/typology_v2_UFC_FoL_anonymous.pdf.
- Feldman 1986 — Feldman F. *Doing the best we can*. Dordrecht: Reidel, 1986.
- Frantz 1978 — Frantz D. G. Copying from complements in Blackfoot. *Linguistic studies of native Canada*. Cook E.-D., Kaye J. (eds.). Vancouver: UBC Press, 1978, 89–110.
- Geist 2010 — Geist L. The argument structure of predicate adjectives in Russian. *Russian Linguistics*, 2010, 3(34): 239–260.
- Giannakidou 2000 — Giannakidou A. Negative ...concord? *Natural Language and Linguistic Theory*, 2000, 18: 457–523.
- Giannakidou 2002 — Giannakidou A. N-words and negative concord. *The Blackwell companion to syntax*. Everaert M., Goedenmans R., Hollerbrandse B., van Riemsdijk H. (eds.). Oxford: Blackwell, 2002, 327–391.
- Lasnik 1998 — Lasnik H. Exceptional Case Marking: Perspectives old and new. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997*. Bošković Z., Franks S., Snyder W. (eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1998, 187–211.
- Lasnik, Saito 1991 — Lasnik H., Saito M. On the subject of infinitives. *Papers from the 27th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Dobrin L. M., Nichols L., Rodrigues R. M. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1991, 324–343.
- Lyutikova, Tatevosov 2018 — Lyutikova E. A., Tatevosov S. G. Two facets of causality: On the syntax of causation verbs in Russian. Talk at conference *Cause and Causation II*. Paris, 2018.
- Minor 2013 — Minor S. Controlling the hidden restrictor: A puzzle with control in Russian. *Proc. of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42)*. Keine S., Sloggett S. S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013, 29–40.
- Pereltsvaig 2000 — Pereltsvaig A. Are all small clauses created equal? Evidence from Russian and Italian. *McGill Working Papers in Linguistics*, 15(1). Yoo M., Seele J. (eds.). Montreal: McGill Univ. Press, 2000, 73–104.
- Pereltsvaig 2004 — Pereltsvaig A. Negative polarity items in Russian and the 'Bagel Problem'. *Negation in Slavic*. Przepiórkowski A., Brown S. (eds.). Bloomington: Slavica Publ., 2004, 153–178.
- Pesetsky 1991 — Pesetsky D. *Zero syntax*. Vol. 2: *Infinitives*. 1991, ms. URL: <http://web.mit.edu/linguistics/people/faculty/pesetsky/infins.pdf>.
- Pesetsky 2017 — Pesetsky D. Hyper-raising. (Handout.) 2017. URL: <http://sznfong.scripts.mit.edu/site/wp-content/uploads/2018/02/hyper-raising-24.S90.pdf>.
- Polinsky 2013 — Polinsky M. Raising and control. *The Cambridge handbook of Generative Syntax*. Den Dikken M. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013, 577–606.
- Polinsky 2015 — Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. 2015, ms. URL: https://scholar.harvard.edu/files/mpolinsky/files/polinsky_15_tsez-syntax-a.5_2.pdf.
- Rosenbaum 1965 — Rosenbaum P. S. The grammar of English predicate complement constructions. Doctoral diss. Cambridge (MA): MIT, 1965.
- Say 2013 — Say S. On the nature of dative arguments in Russian constructions with “predicatives”. *Current studies in Slavic linguistics*. Kor Chahine I. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2013, 225–245.
- Sigurðsson 2002 — Sigurðsson H. A. To be an oblique subject: Russian vs. Icelandic. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2002, 20(4): 691–724.
- Stepanov 2007a — Stepanov A. The end of CED? Minimalism and extraction domains. *Syntax*, 2007, 10(1): 80–126.

- Stepanov 2007b — Stepanov A. On the absence of long-distance A-movement in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, 2007, 15(1): 81–108.
- Stiebels 2007 — Stiebels B. Toward a typology of complement control. *Studies in complement control*. Stiebels B. (ed.). Berlin: ZAS, 2007, 1–80.
- Williams 1987 — Williams E. Implicit arguments, the Binding Theory, and control. *Natural Language and Linguistic Theory*, 1987, 5: 151–180.
- Wurmbrand 2001 — Wurmbrand S. *Infinitives. Restructuring and clause structure*. (Studies in Generative Grammar, 55.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Xolodilova 2015 — Xolodilova M. A. Inter-clausal negative concord. Poster for a talk at *The Pragmatics of Grammar: Negation and Polarity*. Caen: Univ. of Caen Normandy, 2015.
- Zeijlstra 2004 — Zeijlstra H. *Sentential negation and negative concord*. Ph.D. diss. Amsterdam: Univ. of Amsterdam, 2004.
- Zimmerling 2009 — Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns. *Studies in Formal Slavic Phonology, Syntax, Semantics and Information Structure*. Zybatow G., Junghanns U., Lenertová D., Biskup P. (eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009.

Получено / received 26.02.2018

Принято / accepted 17.09.2019